Д. М. Фельдман

КОНФЛИКТЫ В МИРЕ ПОЛИТИКИ

Книга Д.М. Фельдмана — первое отечественное пособие, специально предназначенное для изучения конфликтов в политических отношениях. Появление ее в стране в 1997 году было своевременным, так как политические конфликты стали реальностью нашей жизни. Автор показывает, что мир политического — это область не только постоянной, но и повышенной по сравнению с другими сферами общественной жизни конфликтности.

Печатается по изданию: Фельдман Д. М. Политология конфликта. — М., 1998.

Несмотря на все попытки и нередко дорогостоящие усилия замаскировать политическое значение социального конфликта, несмотря на неумение или нежелание увидеть политику в противоборстве общественных интересов, она рано или поздно обнаруживает себя. Какие бы интересы ни сталкивались, в какой бы сфере общественной жизни это ни происходило, всюду, где присутствуют власть, авторитет, господство и подчинение, «разлита» политика.
Но значит ли это, что все общественные конфликты являются политическими?
Ответ на этот вопрос предполагает выяснение того, где проходят границы, отделяющие мир политики от «непо¬литики», в чем состоят сущность и содержание характерных для этого мира конфликтов.

Конфликты и власть
Современный французский политический мыслитель, ученый и литератор М. Дюверже в книге «Социология политики» так сформулировал свое понимание границ политического: «Все — или почти все — имеет политический аспект, и ничто — или почти ничто — не принадлежит политике целиком». С этим изящным и точным афоризмом нелегко согласиться рядовому человеку, который на основе своего жизненного опыта и здравого смысла считает себя далеким от политики и ничего не знает о существовании каких-то там «политических аспектов».
Суть дела здесь не в том, что некоторые из нас, говоря прозой, как и герой Мольера, не знают об этом. Она заключается не столько в «незнании» или в терминологических тонкостях, сколько в отношениях господства и подчинения, которые в разных обликах присутствуют почти в любой сфере общественных отношений, проявляясь и в материнской любви, и в конфликтах между цивилизациями. Применительно к конкретному человеку это означает, что, как писал Г. Моргентау, выдающийся

американский теоретик-обществовед (которого многие современники уже при жизни считали классиком политической науки), «когда мы говорим о власти, мы имеем в виду осуществляемый человеком контроль над сознанием и действиями других людей». Несколько шире эту же мысль сформулировал другой известный американский политолог Р. Даль: «А имеет власть над В в той степени, в какой он может за¬ставить В сделать то, что В не сделал бы в иных условиях». Рассуждая в этой логике, Б. Рассел, английский уче-ный-экциклопедист, физик, математик, логик, философ, а также общественный деятель и лауреат Нобелевской премии по литературе, писал: «А обладает большей властью, чем В, если А достигает множества намеченных результатов, а В лишь немногих».

Умозаключения рассуждающих подобным образом приверженцев идеи универсальности властных, составляющих ядро политики отношений, не сводятся к простеньким алгебраическим уравнениям. Подчеркивая всеобщность, фундаментальность значения власти в сфере политики, они уподобляли ее роль роли денег в экономике (Т. Парсонс) или энергии в физике (Б, Рассел). Этот подход среди многих других более или менее значительных и интересных результатов его применения способствовал выработке широкого понимания политики как системы властных отношений или, что почти то же самое, отношений по поводу власти.

Сегодня этот подход сосуществует с традиционным, идущим еще от Аристотеля и утвердившимся на протяжении веков пониманием политики как участия в делах государства, как отношений, возникающих исключительно в связи с государством, с определением и осуществлением задач и форм его деятельности.

Различия между этими подходами более значительны, чем может показаться на первый взгляд, и уж во всяком случае не годятся к различию в словесно-терминологическом оформлении взглядов ученых, разрабатывающих одну и ту же проблематику. Главное из этих различии состоит в определении сущности политики, а следовательно, и возникающих здесь конфликтов.

Действительно, жизнь в современном обществе немыслима без регулируемых государством отношений собственности, устанавливаемых и контролируемых государством правовых норм поведения в любой сфере общественных отношений — от уличного движения до деятельности на международной арене, вне того или иного государственного устройства. И все это — только часть многообразных проявлений существования государства. Ведь если обратиться к деятельности местных или центральных органов управления, средств массовой информации или профсоюзов, установлению образовательных или техни¬ческих стандартов, соблюдению прав человека; здесь, как и во многих других сферах жизни общества, легко обнаружить присутствие государства, более или менее успешно организующего жизнь миллионов своих граждан.

Государство, будучи институтом поддержания стабиль¬ности и целостности общества, его безопасности и воз¬можности воспроизведения, контролируя и регулируя де¬ятельность составляющих его социальных групп, является главным, базисным политическим субъектом, располага¬ющим специализированными органами и средствами для обеспечения своего господства, выполнения политиче¬ских, властных функций.

Однако властью в обществе обладает не только государство или те, кто действует от его имени (например налоговый инспектор, офицер или дипломат). Соответственно, и

политика не связана исключительно с государством. Даже не углубляясь в историю человечества, которая знает и негосударственные формы организации общественной жизни, нельзя оспорить тот факт, что власть мо¬жет принадлежать и тем, кто осуществляет ее помимо государства. Среди них — и мама, не пускающая гулять до тех пор, пока не сделаны уроки, и руководители партии или туристской группы, требующие соблюдения принятых в данном сообществе внутренних правил, и террорист, вымогающий выкуп за жизнь захваченных им заложников, и многие другие социальные субъекты и общности.

Патриарх современной политологии К. Шмитт писал, что уравнение «государственное — политическое» становится неправильным и начинает вводить в заблуждение. Чем больше государство и общество начинают пронизывать друг друга, тем в большей мере все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными, и наоборот: все дела, бывшие «лишь» общеценными, становятся государственными, как это необходимым образом происходит при демократически организованном общественном устройстве. Тогда области, прежде «нейтральные» — религия, культура, образование, хозяйство, — перестают быть нейтральными, т. е. не государственными и не политическими. Именно в этих обстоятельствах в сферу политики входят и начинают активно, самостоятельно действовать экологические и конфессиональные движения и объединения, национальные и сексуальные меньшинства, любители пива и защитники животных, а также многие другие, включая «крестных отцов» и «детей Чернобыля», жертв финансовых афер и стихийных бедствий.

Все сказанное позволяет утверждать: понятия «власть» и «государство» не противостоят друг другу. Все и упомянутые здесь, и другие специалисты по теории и практике политики не отрицают доминирующей роли государства в политике, хотя не все согласны с тем, что в жизни таких социальных общностей, как профсоюз, фирма или семья, есть политические аспекты. Однако сегодня все труднее спорить с тем, что «нет и не может быть общества без политики, поскольку все сферы и формы общественной жизни и деятельности в той или иной форме и степени пронизаны политическим началом».

В свою очередь, политики-практики, не включаясь в теоретические споры о различиях между политическими отношениями в обществе и политическими аспектами неполитических общественных отношений, видят политическое не только в государстве, деятельности обществен¬ных организаций, различных по своей природе социальных институтов и органов, но и в спорте, моде и т. д.

Не случайно использование спортсменами допинга поощрялось политическим руководством ряда тоталитарных государств, а победа или поражение своих футболистов или хоккеистов в тех странах, где очень любят хоккей и футбол, нередко является очень важным событием и во внутриполитической жизни, и в отношениях с другими государствами. Не случайно и то, что приверженность к тому или иному стилю одежды многими рассматривается как выражение политической позиции и даже свидетельство принадлежности к стилю политической деятельности. Полувоенные костюмы и хромовые сапоги «сталинских наркомов», истрепанные джинсы и свитера «новых левых», бунтовавших в 60-е годы, — далеко не единичные примеры политической моды.

Как это ни удивительно, но к сфере политики принадлежат и духи «Красная Москва», и протухшее мясо, послужившее поводом для восстания на броненосце «Потемкин», и

бутылки водки с портретами кандидатов в президенты России. Однако в определении степени этой принадлежности, как и в потреблении популярного национального напитка, необходима мера. Эту же мысль современный французский политолог М. Мерль высказал в более общей, но не менее категорической форме: «Не стоит злоупотреблять идеей о специфических свойствах политики. Границы нашей дисциплины очень хрупки; они подвижны как во времени, так и в пространстве (то, что является политикой в одном месте, не является ею в другом, и наоборот)». Именно соблюдение меры, понимание относительности границ политики, что, по счастью, вполне совместимо с самыми последовательными политическими убеждениями, позволяет не сводить жизнь в обществе к политической жизни.

Хотелось бы, чтобы эти рассуждения и сопоставления помогли не только разграничить политические и неполитические отношения, но и показали бы относительность, неустойчивость, проницаемость границ между политическими и всеми другими конфликтами.

Вы, по-видимому, уже усвоили широкое понимание политического конфликта как любого конфликта, в кото¬ром затрагивается вопрос о политической власти. В более тесном, узком смысле — это конфликт в системе политиче¬ских отношений, сущностью которого является борьба за власть, ее сохранение или перераспределение.

Как правило, эта борьба камуфлируется или приукра¬шивается той или иной идейно-политической мифоло¬гией. При этом сюжеты используемых мифов варьируются довольно широко: от божественных знамений и помазания вступающего во власть до «всенародного одобрения решения партии», поручающей «нашему дорогому» N занять высокий пост «слуги народа». Но ни эти, ни какие-либо другие формы, способы, приемы «прикрытия» вхождения во власть и ее осуществления не могут скрыть того имеющего принципиальное значение и потому многократно упоминаемого в этом учебном пособии обстоятельства, что политика в любом ее конкретном воплощении неотделима от конфликта.

Не только политический анализ, но и политическая история любой страны и любого общества подтверждают, что конфликт имманентно (т. е. внутренне, неразрывно) связан с политикой, присущ любым властным отношениям — будь то сфера собственно политического или многообразные политические аспекты и проявления любых общественных отношений.

Это признается большинством политологов, хотя вопросы о соотношении политики и конфликта, о том, «что с чего начинается», нередко трактуются с близких, но противоположных позиций. Одни полагают, что «сказать о чем-то, что это политика, значит сказать, что это «что-то» полемично. Такие понятия, как республика, класс, суверенность, абсолютизм, диктатура, нейтралитет и мир, не¬постижимы, если при этом не указаны их цели, против кого они направлены и кого они стремятся отвергнуть или опровергнуть. Словом, не борьба порождает политику, а политика, напротив, несет в себе конфликт, который может в предельном случае породить войну». Другие склонны считать, что, «в сущности, политика начинается там, где на основе расхождения интересов возникают конфликты, которые она должна разрешать».

Не включаясь в этот спор, победа (равно как и поражение) в котором вряд ли имеет большее практическое значение, чем решение известной задачи о яйце и курице, сделаем общий вывод: конфликты присущи всем сферам общественных отношений, и хотя почти каждый из них может иметь политическое значение, но только конфликты по

поводу власти, из-за отношений господства и подчинения являются политическими.
Итак, политика, сфера политических отношений — это мир, где .мира нет и быть не может. Мир политического — это область не только постоянной, но и повышенной по сравнению с другими сферами общественной жизни конфликтности.
Круг тех, кто был, есть или может стать участником политического конфликта, очень широк и, по существу, включает в себя всех, кто причастен к миру политики — от рядового гражданина до союза государств. По сути дела, для возникновения политического конфликта необходимы (но еще недостаточны) только два условия: наличие противоборствующих интересов, состоящих в перераспределении или удержании власти, и политиков, т. е. тех, кто осознает, выражает и воплощает эти интересы.

Конфликты и политики

Любой политик, представляя в высших органах государства, на международной арене, в парламенте или на площади интересы тех, кто его избрал, уполномочил или хотя бы просто не возражает против его деятельности, осуществляет и свои интересы, преследует свои цели, стремится к собственному благу. Давая обещания еще более улучшить хорошее или окончательно искоренить плохое, «повысить доходы» или «понизить расходы», он прежде всего связывает выполнение или невыполнение этих обещаний со своим положением, обеспечивающим ему место во власти, — среди тех, кто по возможности господствует над многими, а подчиняется немногим.
Как правило, степень расхождения между интересами тех, кого представляет и кем руководит политик, и его собственными обнаруживается лишь в ходе политической деятельности. Дистанция и восприятие этого «расхождения» во многом связаны с тем, насколько как управляющие, так и управляемые удовлетворены своим положением в системе общественных, в том числе и политических, отношений. Не будем обсуждать здесь вопрос о том, какая именно составляющая этой системы воспринимается в обществе острее — политическая, правовая, экономическая или какая-либо другая. Поиски ответа на него связаны с постановкой и обсуждением целого ряда других вопросов: где? Когда? В какой стране? В каких исторических условиях? Кто и как это воспринимает? Но, даже не ответив на них, можно утверждать: общество, в котором высока внутренняя неудовлетворенность, это общество, в котором высока вероятность политического конфликта.
Многое при этом зависит от взаимодействия и взаимо¬обусловленности личности и политического конфликта.
Часто повторяющаяся, типичная и вместе с тем всегда уникально-своеобразная ситуация политического конфликта открывает возможность выявить инвариант, т. е. нечто повторяющееся и сохраняющееся в переживании индивидом этой коллизии. Этот инвариант не сводится к описанным уже в «Артхашастре» или макиавеллевском «Государе» политическим технологиям, правилам и прие¬мам исполнения той или иной роли в конфликте. Не исчерпывается он также ни превращением человека в «субъективный», «человеческий» или любой иной «фактор», ни набором социально-психологических или каких-либо других черт, присущих личности.
Здесь мы встаем перед проблемой сущности человека как политического феномена,

обладающего неотчуждае¬мыми и неизменно проявляющимися на протяжении едва ли не всей истории человечества характеристиками, обнаруживающимися в мире политики.

Как уже говорилось, политические конфликты являются предметом анализа на протяжении тысячелетий. В рамках различных традиций этого исследования ученые, начиная от Фукидида и кон¬чая нашими современниками, связывают конфликт с биологической, социальной, психосоматической, производственно-классовой и т. д. детерминацией сущности человека. Представляется, что сейчас, в конце XX в., когда политические конфликты не только не уходят в прошлое, а, напротив, все чаще приобретают универсально-буднич¬ную форму, их изучение не может не связываться с пониманием политического конфликта как неотъемлемого компонента формирования человека, процесса политической социализации личности.
Другими словами, политический конфликт — это не только выражение сущности человека, когда он участвует в системе властных, политических отношений, но и условие формирования самого политического человека. Это, в частности, следует и из того факта, что становление и эволюция политического человека неизбежно предполагают осознание (самосознание) его места во многоуровневой системе потенциально конфликтной оппозиции: «мы — они», «свои — чужие».
Какая бы конкретная причина ни вызвала политический конфликт — политика государства, отношения между различными этническими, конфессиональными или какими-либо другими группами населения, — он неизбежно вызывает требования к управляющим со стороны, по крайней мере, части управляемых: изменить цели, формы или способы осуществления власти. Иногда эти требования ограничиваются лишь устранением от власти политических деятелей, проводящих данный политический курс, а иногда затрагивают и всю политическую систему общества.
В условиях внутриполитического конфликта повышается вероятность смены политических лидеров — политиков, представляющих и ведущих тех, от чьего имени они принимают решения, В этих условиях утвердившиеся у власти политики вынуждены более или менее глубоко пересматривать или даже изменять проводимую ими политику, искать такой путь проведения преобразований, который позволил бы им сохранить и упрочить свое положение в системе власти. Поиски такого пути осложняются появлением или активизацией конкурирующих политиков, заявляющих, что они лучше и точнее знают и выражают интересы той или иной общественной группы. Учитывая, что и обществе всегда есть те, кого устраивает существующее положение и сохраняющие его политические деятели, конфликтная ситуация может обостряться. Сталкивающиеся интересы (а точнее стоящие за ними люди) могут нарушить существующий политический порядок, изменить установленный политический режим и даже раз¬ломать, совершив революционные преобразования, всю сложившуюся систему политических отношений.
Специалисты, изучающие различные стороны деятельности политических лидеров, согласны между собой в том, что лидерство — это та роль, исполнение которой в отношениях между людьми удается не в каждой ситуации, и что те, кто являются лидерами в одной ситуации, не обязательно будут ими в другой. Однако такого единодушия нет, когда речь заходит о том, какого именно лидера требует возникшая конфликтная ситуация.
Одни, вслед за М. Вебером, считают, что общество, переживающее серьезный кризис или политический конфликт, поражающий структуры власти, требует (и, как правило,

получает) харизматического лидера. Таким лидером является тот, кто может внушить веру в свои почти (а иногда и без «почти») сверхчеловеческие качества, в то, что он обладает способностями, особенно высоко ценимыми в данном обществе. Его сторонники верят ему просто потому, что ОН САМ ЭТО СКАЗАЛ, и отвечают ему преданностью, доходящей до готовности к самопожертвованию.
Другие, например хорошо известный в нашей стране французский политолог Ж. Блондель, профессор Европейского института во Флоренции, считают, что подобная ситуация — необходимое, но недостаточное условие для появления харизматического лидера. В действительности, по их мнению, нет никаких определенных и ясных указаний на то, какие условия могут привести к появлению такого лидера. Приводимые ими данные говорят, что степень зависимости остроты переживаемой ситуации и появления харизматического лидера очень невелика. Отсюда их убеждение в том, что понятие «харизматическая власть», тесно связанное с «божественными» или «сверхчеловеческими» качествами ее носителя, не является удобным и практичным инструментом, с помощью которого можно было бы описать и проанализировать политические процессы в обществе, даже переживающем конфликтную, кризисную ситуацию.
Независимо от приверженности одной, другой или какой-либо третьей позиции, нельзя не заметить, что поведение сторон в конфликте, осуществление власти или ее смена в условиях конфликта не отделены каменной стеной от сложившейся в данном обществе политической традиции, тесно связаны с существующими там ценностями, типом политической культуры и стереотипами политического поведения. Другими словами: как живем, так и конфликтуем.
Пожалуй, лучше всего подтверждает это утверждение рассмотрение тех типовых ситуаций, которые возникают в ходе взаимодействия управляющих и управляемых. Специалисты по управлению различают «жесткие» ситуации, возникающие в условиях острого дефицита ресурсов или каких-либо вызовов, угрожающих системе и требующих заданной реакции, «средние» и «мягкие». Для двух последних характерно снижение остроты дефицита ресурсов, повышение степени свободы, независимости в действиях как управляющих, так и управляемых. Считается, что в «жесткой» ситуации наибольшую эффективность имеет авторитарный стиль руководства, в «средней» — демократический, коллегиальный, а в «мягкой» повышается эффективность авторитарного стиля.
Приняв установленное таким образом соответствие характера ситуации и стиля лидерства, А. С. Панарин, один из наиболее талантливых отечественных политологов, дает ему соответствующее объяснение. В «жесткой» ситуации лидеру необходимо выбрать главное и во имя этого пожертвовать всем остальным, включая роли чуткого коллеги, наставника, благожелательного советника и т. д. Авторитарный стиль лидерства предполагает повышенную готовность к достижению целей любой ценой, сосредоточение, централизацию и даже персонификацию власти, что в общем-то отвечает самому характеру «жесткой» ситуации. Зная, что эти ситуации оправдывают авторитаризм и суровые меры принуждения, лидеры авторитарного стиля склонны искусственно создавать их, поддерживая высокий уровень напряженности в том обществе или той социальной группе, где они действуют.
Наибольшая эффективность демократического стиля в «средней» ситуации объясняется тем, что он позволяет получить широкую поддержку различных людей и

социальных групп, дает возможность лидеру поощрять их участие в решении общих задач, используя при этом для получения результата находящиеся в их распоряжении материальные, духовные и информационные ресурсы. Что касается «мягкой» ситуации, как правило оказывающей расслабляющее влияние на 6е участников, то эффективность авторитарного стиля определяется способностью лидера использовать этот стиль как своего рода компенсацию, позволяющую мобилизовать и повысить ответственность людей, направив их энергию на совершение нужных, но, как им кажется, не обязательных и не срочных действий.

Рассмотрение личностных, в частности психологических, характеристик лидера и других участников конфликта выходит за рамки данного учебного пособия. Но уже сказанного достаточно, чтобы констатировать: независимо от того, какая именно ситуация по своему характеру более всего близка данному политическому конфликту, выдвигаемые ею требования обусловливают либо выход на передний план «новых» политиков, отвечающих этим требованиям, и рост их влияния, либо усвоение «старыми», уже сложившимися политическими деятелями соответствующего ей стиля действий и принятия политических решений.

Принятие решений изучается самыми разными науками — от психофизиологии до специальных отраслей математики, занятых оптимизацией этого процесса по установленным критериям. Политическая наука рассматривает принятие политических решений как волевое, целенаправленное управленческое действие, направленное на изменение или сохранение отношений в системе власти, совершающееся по технологии, определяемой природой и характером данной системы, правилами и особенностями ее функционирования.

Политик, выступая как лицо, принимающее решение (ЛПР), несвободен в своих действиях. Выбор вариантов принимаемых им решений ограничен нормами, институ¬тами и традициями данной политической системы, уровнем информационной, ресурсной и социальной поддержки, способностью управляемых воспринять и осуществить принимаемые решения, самой средой, в которой они вы¬рабатываются. Так, в «жесткой» ситуации политического конфликта ЛПР приходится сталкиваться с дефицитом времени и информации, давлением противника и разно¬гласиями в своем собственном окружении, с эмоциональными перегрузками и разного рода стрессами. Оценивая этот процесс, так сказать, «изнутри», бывший министр обороны США Р. Макнамара — политик, имеющий богатый опыт участия в выработке решений во время острейших конфликтов на Ближнем Востоке и в отношениях между СССР и США — констатирует, что по мере того как в каждом из этих случаев конфликт обострялся, «напряженность усиливалась, эмоции накалялись и опасность принятия иррациональных решений увеличивалась».

Однако какое бы — рациональное, нерациональное или иррациональное — решение ни принял политик и ка¬кие бы уважительные причины и обстоятельства на него ни влияли, о качестве этого решения (да и о самом ЛПР) можно более или менее обоснованно судить только по результатам и последствиям, связанным с принятым решением. Именно в этом результате обнаруживается совпадение или степень расхождения собственных интересов по¬литика с интересами представляемых и управляемых им людей. И только после анализа последствий и результатов можно судить о политике не по его намерениям и обещаниям, а по их воплощению в жизнь. Понятно, что «после», потом, в будущем причины и обстоятельства могут измениться,

будут выглядеть по-другому. Поэтому искушенный в политике государь, президент, правитель, руководитель ведомства, депутат или делегат зачастую следует совету Никколо Макиавелли — одного из первых и самых популярных политологов в истории человечества. «Разумный правитель не может и не должен оставаться верным своему обещанию, если это вредит его интересам и если отпали причины, побудившие его дать обещание... А благовидный предлог нарушить обещание всегда найдется. Примеров тому множество: сколько мирных договоров, сколько соглашений не вступило в силу или пошло прахом из-за того, что государи на¬рушали свое слово, и всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру».

Хотя Н. Макиавелли часто издают, много и охотно чи¬тают, тем не менее, наверное, есть политики, не знакомые с этим высказанным более четырехсот лет тому назад советом. Во всяком случае, подобные рекомендации некоторые из них делают и от своего имени, как, например, президент США Т. Рузвельт (1858—1919). Под его руководством Америка проводила активную экспансионистскую внешнюю политику, не останавливаясь перед применением силы оружия для установления и закрепления своего политического влияния и господства. Наставляя своих преемников и последователей, Т. Рузвельт писал: «Истинный государственный деятель должен пренебречь любым договором, если действия по его поддержанию могут представить собой серьезную опасность для нации». Думается, что, по крайней мере в этом случае, Т. Рузвельт себя от нации не отделял.

Как свидетельствует исторический опыт осуществления и изучения практической политики, многие из тех, кто дает и принимает подобные советы, независимо от того, почерпнули они их из книг или считают результатом собственного опыта, осуждают Н. Макиавелли и его про¬должателей за политический цинизм и беспринципность. Раскрытие и обнародование даже хорошо известных сек¬ретов власти не поощряются в мире политики.

В стремлении к власти, к ее получению, укреплению и удержанию используются самые разнообразные, как «чистые», так и «нечистые», формы и средства борьбы за право представлять интересы той или иной общности и, используя ее ресурсы, мощь и влияние, от ее имени удовлетворять интересы правящих. Эта борьба может вестись открыто, когда, например, представители соперничающих политических партий публично — на месте, отведенном для общественных собраний, перед телекамерами или на страницах газет — сражаются за должности архонта, пре¬тора, президента, члена комитета или депутата. Она может принимать и характерную для кремлевских политиков форму «схватки бульдогов под ковром», о которой говорил У. Черчилль, выдающийся английский политический дея¬тель, неоднократно занимавший пост премьер-министра своей страны и сам отличавшийся бульдожьей хваткой.

Для политика, ведущего борьбу за власть и влияние, победа в политическом конфликте означает, как минимум, свидетельство профессиональной пригодности, от¬крывает пути к переходу на новый, более высокий уровень деятельности, туда, где его власть, а значит возможность направлять и контролировать других людей в своих интересах, будет возрастать. Именно в этом, если трезво оценивать декларации о готовности к самоотверженному служению народу, о своем долге перед избирателями и жела¬нии поработать на благо общества, состоит неизменный, глубокий внутренний импульс, объединяющий весьма разнообразные мотивы деятельности самых разных политических деятелей.

Анализируя эмпирические исследования мотивов дея¬тельности зарубежных политиков-законодателей, Г. Г. Дилигенский — видный отечественный специалист по социально-политической психологии — делает заключение, в полной мере справедливое и по отношению к российским политикам, что независимо от своих исходных личных мо¬тивов любой активный политик вынужден овладеть какой-то позицией в системе власти и заботиться о ее сохранении. Эта позиция, закрепляется ли она занятием какого-либо поста, получением должности, статусом или членством в выборном органе, лидерством в партии, движении, парламентской фракции, реализует ли она власть индивидуальную или групповую, необходима для осуществления политических целей. При этом одни политики считают власть самостоятельной ценностью, обладание которой само по себе является целью их деятельности, для дру¬гих она — средство, обеспечивающее возможность достижения разнообразных, в том числе и неполитических, целей. Но и в том, и в другом случае политик вовлекается в борьбу за власть, и чем острее и напряженнее эта борьба, тем больше шансов, что данный вид вовлеченности и стимулирующая его цель — победа, накладываясь на все дру¬гие мотивы, в конце концов сам станет доминирующим мотивом деятельности политика.
Но, преследуя свои благородно-возвышенные, эгоистические, а то и грязно-низменные цели, политики в той или иной мере действительно служат обществу, управляя его делами и организуя его жизнедеятельность. Политики-профессионалы оказываются прямо-таки вынуждены доказывать свою состоятельность, дабы отстоять свое существование и право на дальнейшую работу «по специальности» в противоборстве, а иногда и в конфликтах с другими претендентами, т. е. с такими же политическими деятелями, число которых никогда не бывает меньшим, чем количество удобных, высокооплачиваемых, вообще «хороших» мест во властных структурах.
Победители в этом противоборстве, длящемся многие тысячелетия и развивающемся в разных исторических условиях, в различных политических системах, режимах и институтах, никогда не могут быть спокойны и уверенны в прочности своего господствующего положения. Причем это справедливо как по отношению к демократически из¬бираемым и сменяемым лидерам, так и по отношению к наследственным монархам и пожизненным диктаторам, насильственная смерть которых нередко является своего рода неизбежным «профессиональным риском». Но это не единственная цена, которую политику приходится пла¬тить за поражение в политическом конфликте. Куда страшнее может быть сохраняющееся в памяти поколений негодование и презрение по отношению к тем, кто вверг своих сограждан, свой народ и свою страну в беду. Правда, нельзя не признать, что нередко именно громадный размах злодеяний и вопиющая безнравственность совершенных действий некоторыми людьми воспринимаются как свидетельство величия политического деятеля.
Подробнее мы остановимся на этом далее, в главе, посвященной отечественным политическим конфликтам, сейчас же необходимо сказать о тех, кто уже неоднократно упоминался ранее и по своей профессии также принадлежит к миру политики.